

ЭРОТИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

ОСКАР УАЙЛЬД || НИКОЛЬ ОДРИ СПЕКТОР

ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ
**ДОРИАНА
ГРЕЯ**

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(0)6
У 12

Oscar Wilde & Nicole Audrey Spector

FIFTY SHADES OF DORIAN GRAY

Copyright © 2013 by Nicole Audrey Spector

Перевод Ю. Милоградской

Художественное оформление П. Петрова

Уайльд О., Спектор Н.

У 12 Пятьдесят оттенков Дориана Грея / Оскар Уайльд, Николь Одри Спектор ; [пер. с англ. Ю. А. Милоградской]. — М. : Эксмо, 2013. — 288 с. — (Эротическая классика).

ISBN 978-5-699-64630-2

Перед вами эротический пересказ мировой классики. Дерзкая, остроумная и завораживающая история о Дориане Грее притягивает своей сексуальностью и порочностью.

После публикации романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» в обществе разразился скандал, так как книгу сочли слишком аморальной. Но лишь теперь она стала по-настоящему провокационной и вызывающей! В ней соединились старомодная викторианская распущенность и сексуальная жажда XXI столетия: «Портрет Дориана Грея» и «Пятьдесят оттенков серого».

На каждой странице эротические сцены, пикантные фантазии и любовь в стиле БДСМ... Такого Дориана Грея вы еще не видели!

ISBN 978-5-699-64630-2

© Милоградова Ю.А., перевод
на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Глава 1

Комнату наполнял густой аромат роз, и ветер, играющий ветвями деревьев, доносил сквозь открытую дверь тяжелый запах сирени и нежное благоухание цветов боярышника. Мягкий бриз, напоенный ароматами, едва касался шеи Розмари Холл, играя легкими волосами на ее затылке.

Было что-то необычное в этом новом ощущении, наполнявшем ее тело. Даже живопись ощущалась теперь по-другому. Это уже не просто мыслительная деятельность и координация, а процесс, в котором Розмари участвовала всем телом. Влажная кисть была наделена разумом, становилась продолжением ее руки, и каждый осторожный мазок пробуждал к жизни ее тело.

Перед ней вставали видения... но их, по крайней мере, можно было легко отогнать от себя.

Сложнее было со снами. Это были не кошмары, нет, — совсем наоборот — но она почему-то не могла избавиться от непонятного чувства. Ночь за ночью она просыпалась в лихорадочном ознобе, судорожно сжимая бедрами сбившиеся простыни. Это было так... правдоподобно. Она как будто ощущала его присутствие, чувствовала его долгие поцелуи на своих щеках. Розмари не понимала, откуда брались эти сны. Она боялась ответа. «Нельзя дать вожделению увлечь себя», — твердила она, краснея, когда это слово вспыхивало и снова исчезало в подсознании.

*Ночь за ночью
она просыпалась в лихорадочном ознобе,
судорожно
сжимая бедрами сбившиеся простыни.*

Розмари недавно исполнилось 20 лет, и, всячески избегая разговоров о замужестве, ей удалось заставить отца пока не вспоминать об этом. Его, по крайней мере, радовали ее успехи в живописи. Поклонники один за другим оставляли свои попытки. Такие, как, например, неисправимый Бакли

Бринсמיד, сдавались, проведя годы в пылом поклонении. Она испытала облегчение, оставшись в одиночестве. Теперь она могла сосредоточиться на своей главной страсти. Ее удел — независимая жизнь, посвященная исключительно творчеству

и ничему больше. «Да, — думала она, закусывая нижнюю губу, — ничему больше». Ей нужно было чаще себе это повторять.

Сидя в углу покрытого персидскими коврами дивана, Хелен Уоттон наблюдала за работой Розмари с присущим только ей одной загадочным выражением лица. В руке у нее была пропитанная опиумом сигарета.

Розмари отступила от мольберта, чтобы Хелен могла увидеть картину целиком, и почувствовала облегчение, отведя наконец взгляд от холста. Ей нужно было на время избавиться от этого миража. Внезапно она почувствовала голод и поняла, что за весь день съела всего лишь половину бисквита. «О, он бы так разозлился, узнав, что она больше ничего не ела... Интересно, это проявление заботы или желание контролировать ее?» — Розмари одернула себя за такие мысли. Нужно было отдохнуть: ей казалось, что ее скрутили в тугой узел, а руки онемели и как будто были налиты свинцом.

— Так это он? — спросила Хелен. — Это и есть твой шедевр?

Ее голос звучал на удивление серьезно, а в глазах мелькнуло любопытство, когда она увидела портрет изящного, красивого юноши, изображенного в полный рост.

— Хороший портрет, большой, — сказала она, поворачиваясь к Розмари с легкой улыбкой на лице.

Розмари кивнула и смущенно засмеялась.

— Это, наверное, самый большой кусок холста из всех, на которых я писала, — призналась она едва слышно.

— Не знаю насчет размера, но пока это твое лучшее творение, — сказала Хелен. — И любопытно, что это, вероятно, лучшее из всех творений природы — я имею в виду молодого человека.

Розмари кивнула, стараясь сохранить серьезность, но чувствуя себя неловко. Перед ее глазами промелькнуло видение из вчерашнего сна, и она плотно сжала бедра, стремясь подавить внезапно возникшую боль. Во сне он лежал сверху, обхватив ее сзади и прижав к матрасу, и, намотав на руку ее волосы, проникал в нее. Она никогда раньше не испытывала этого ощущения. Ей казалось, что это должно быть больно, но во сне она не чувствовала ничего, кроме растущего возбуждения, а когда эмоции достигли предела и охватили ее, как вспышка пламени, она проснулась в слезах.

— Взгляни только, как он действует на тебя, — сказала Хелен, прервав воспоминание Розмари. — Ты даже не можешь взглянуть на лучшее из всех своих творений — на лучшее, что есть в тебе!

Розмари со смехом покачала головой, но знала, что Хелен сказала правду. Она едва могла отвести взгляд от молодого человека, когда он сидел в комнате перед ней, а смотреть на его портрет, написанный ею, оказалось просто невыносимо. Конечно, это была лучшая ее работа, но Розмари тревожило впечатление, которое картина производила на нее. А человек, который был изображен на ней... он показался ей совершенством, едва войдя в мастерскую. Таким же совершенством был он и на холсте и как будто насмеялся над ней, наблюдая, как желание охватывает ее. Она написала его серые глаза с тяжелыми веками — темные, загадочные — и вложила в эти глаза желание, которое испытывала сама. С точностью воспроизведя лукавую усмешку его полных губ, она отразила свою собственную страсть и пугающее желание почувствовать на своих губах его поцелуй.

— Тебе обязательно нужно будет послать ее в следующем году на выставку в Гровенор, — сказала Хелен, потушив окурок и лениво растянувшись на диване. — Академия слишком велика и слишком заурядна. Там всегда либо много людей, заслоняющих картины, а это невыносимо, либо слишком много картин, из-за которых не видно людей, что еще хуже.

— Я думаю, что вообще не буду ее никуда посылать, — сказала Розмари. Она закрыла лицо ру-

ками и упала в кресло напротив дивана, где сидела Хелен, задев лампу и едва успев поймать ее, прежде чем та могла разбиться вдребезги.

— Только не говори, что ты, как эта лампа, готова упасть ниц перед нашим юным принцем, — проговорила Хелен, подняв одну бровь и указывая очередной сигаретой на портрет. — Хотя я совсем не против того, чтобы легкая суматоха нарушила этот жуткий покой.

Розмари уже не слушала Хелен, опять вспомнив свой сон. Он сжимал ее шею так сильно, что казалось, хотел задушить, но ей не было страшно. Она чувствовала головокружение и легкость и не сознавала ничего, кроме того, что ее подхватывает поток удовольствия.

— Нет. Я никуда не буду его посылать, — повторила она.

— Почему же, дорогая моя? — спросила Хелен и, не дожидаясь ее ответа, продолжила: — Вы, художники, просто безумцы. — Она нахмурилась и произнесла саркастическим тоном: — Ах, нет, простите, только мужчина может быть безумцем, а юных девушек обычно называют истеричками.

— Дай мне объяснить, Хелен, — произнесла Розмари.

— Как будто я могла бы уйти отсюда, не получив объяснения. Но сначала позволь мне сказать

тебе, что такая работа поставила бы тебя намного выше всех остальных женщин в Англии. И если повезет — даже на последнее место среди самых ничтожных мужчин.

— Я знаю, ты посмеешься надо мной, — сказала Розмари. — Но я действительно не могу выставить портрет. Я вложила в него слишком много самой себя.

Хелен перебила ее хриплым смехом. Это было уже слишком для ее источенных дымом легких, и она закашлялась. Розмари улыбнулась. Она ни разу в своей жизни не курила — ни сигареты, ни чего-либо еще.

— Я знала, что ты будешь смеяться, но это так.

— Признайся, Розмари, ты действительно влюблена в этого Адониса? Ведь он Нарцисс! А ты... Ну да, у тебя одухотворенное лицо и все такое. Но красота, подлинная красота исчезает там, где появляется одухотворенность. Человек погружается в размышления, и его лицо оборачивается сплошным носом, или лбом, или чем-нибудь еще. Посмотри на любую умную женщину — она обязательно уродлива, и одна мысль о ней делает тебя уродливой. Размышления разрушают гармонию лица. Твой таинственный молодой друг, имя которого ты мне, несомненно, скажешь, ни над чем не размышляет, поверь мне. Он лишь прекрасное, без-

мозглое существо. Он заменяет цветы, в которых мы так нуждаемся зимой, и прохладу, необходимую рассудку летом. Не обманывай себя, Розмари. Мужчины, подобные ему, невысоко ценят деятельный ум.

— Ты не понимаешь, — возразила Розмари. — Я вовсе не влюблена в него. Я бы не хотела полюбить того, кто настолько тщеславен, что принимает все, что ему достается, как должное. Почему ты пожимаешь плечами? Я действительно так думаю. Дориан Грей всего-навсего красив, а я всего-навсего умна или талантлива, назови это как хочешь. Ты всего-навсего светская богатая женщина, Хелен. Мы все будем расплачиваться за то, что Бог даровал нам, — расплачиваться страданием.

Розмари удивилась собственной откровенности. Как бы бесстрашно она ни подходила к выбору собственного пути, она всегда старалась смягчить свои суждения, чтобы никого не задеть. Но Хелен, остановив на ней пристальный холодный взгляд, лишь спросила:

— Дориан Грей? Так его зовут? — Она подошла к Розмари, которая встала с кресла и расхаживала перед картиной.

— Да. Я не собиралась тебе говорить.

— Почему же?

— Не знаю, не могу объяснить, — вздохнула Розмари. — Скажем так, я в последнее время на-

хожу удовольствие в том, чтобы хранить секреты. Кажется, это сейчас единственное, что придает жизни чудесный оттенок таинственности, романтики. Мне нравится скрывать его ото всех. Тебе это, наверное, кажется ужасно глупым?

— Нисколько, — ответила Хелен. — Ты забываешь, что я замужем, а одна из прелестей брака состоит в том, что ложь становится необходима как одной, так и другой стороне. Я никогда не знаю, где сейчас находится мой муж, а он не знает, что делаю я. Встречаясь за ужином, мы с абсолютной серьезностью рассказываем друг другу самые невероятные истории.

Ему, правда, это не очень удастся. А вот я гораздо больше в этом преуспела. Я никогда не путаюсь, а он — постоянно. Но всегда лучше промолчать. Зачем устраивать скандал?!

— Не выношу твоей манеры говорить о семейной жизни, Хелен, — сказала Розмари, подходя к дверям в сад. — Я уверена, что ты очень хорошая жена, просто стыдишься своих собственных добродетелей. Ты удивительная женщина! Ты все время говоришь о пороках, но никогда бы не поступила безнравственно. Твой цинизм — это всего лишь поза.

*Я замужем,
а одна из прелестей брака
состоит в том,
что ложь становится необходимо
как одной,
так и другой
стороне.*

— Естественность — это поза, и самая невыносимая, — провозгласила Хелен и засмеялась. И рука об руку две девушки вышли в сад и расположились на бамбуковой скамье в тени высокого лавра. Солнечный свет скользил по глянцевой поверхности листвы. Из травы робко выглядывали маргаритки. Розмари на мгновение закрыла глаза, наслаждаясь яркостью солнечного дня. Последние четыре года летние месяцы она проводила здесь и всегда радовалась саду; утренняя прогулка давала ей вдохновение, а вечером успокаивала мысли, теснящиеся в голове после долгого дня, проведенного за холстом. Она выпустила локоть Хелен и, обхватив себя руками, глубоко вздохнула. Розмари так устала, что, кажется, могла бы заснуть прямо здесь. Но, как только она расслабилась, образ Дориана Грея ворвался в ее мысли, пожирая ее взглядом своих темных глаз. У нее перехватило дыхание, и она открыла глаза.

— С тобой все в порядке? — спросила Хелен, играя своими карманными часами.

— Да, извини, просто столько разных мыслей в голове. Мне так нравится, когда ты рядом, но в последнее время я сама не своя.

— Даже не знаю, отчего это, — Хелен лукаво улыбнулась.

— Наверное, я слишком много сижу взаперти, — сказала Розмари, и ей вдруг захотелось,

чтобы Хелен не так часто брала на себя роль придирчивого критика, а оставалась просто внимательным другом.

— Что ж, боюсь, мне уже пора, — сказала Хелен, как будто показывая, что такая роль ей не под силу. — Но сначала ты должна ответить на мой вопрос.

— Какой? — спросила Розмари, не поднимая взгляда от травы под ногами. Там не было Дориана Грея.

— Ты сама прекрасно знаешь.

— Нет, не знаю, Хелен.

— Я хочу услышать причину, по которой ты не хочешь выставлять портрет Дориана Грея. Настоящую причину.

— Я назвала тебе настоящую причину.

— Нет, не назвала. Ты сказала, что в портрете слишком много от тебя. Но это просто ребячество. Почему ты не признаешь, что влюблена в него и, поскольку не можешь обладать самим Дорианом Греем, хочешь оставить себе его прекрасный портрет, на котором он всегда останется в расцвете своей молодости?

Сердце Розмари учащенно забилось. А если слова Хелен правда? Она не хотела разбираться в том, почему не хочет расстаться с портретом. Но сейчас она поняла, что Хелен права, по